

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА НАУЧНОЙ ФИЛОСОФИИ Г.Г. ШПЕТ. ВОСПОМИНАНИЯ ДОЧЕРИ ФИЛОСОФА Т.Г. МАКСИМОВОЙ

В 2009 г. Институт философии РАН отметил свой 80-летний юбилей: постановлением правительства от 12 апреля 1929 г. он получил статус самостоятельного академического учреждения. Впрочем, к тому времени эта научная организация уже имела почти десятилетнюю предысторию в качестве Института научной философии, существовавшего сначала при факультете общественных наук МГУ (с 1921 г.), а затем в составе Российской ассоциации научных институтов общественных наук (РАНИОН, с 1924 г.). Первым директором Института научной философии был выдающийся русский философ-феноменолог Густав Густавович Шпет (1879–1937), который находился на этом посту лишь неполные два года (с осени 1921-го до весны 1923-го), в течение которых, однако, успел сделать многое для возрождения профессиональной философии и вообще философской культуры в послереволюционной России.

Назначение «беспартийного» Шпета на подобную должность, которая впоследствии рассматривалась, прежде всего, как один из ответственных участков политико-идеологической работы, выглядит довольно неожиданным решением советской власти. Очевидно, в сознании высшего руководства страны философия тогда еще не ставилась в жесткую связь с идеологией, а научная работа не должна была строго контролироваться и отвечать принципам «партийности», что стало обязательным несколько лет спустя (когда «на философском фронте» развернулись ожесточенные баталии, весьма далекие от академизма). Помимо личных качеств Шпета, обладавшего прекрасной профессиональной подготовкой, энергичностью и безусловным авторитетом во всем научно-гуманитарном сообществе, его назначению директором Института научной философии могла способствовать имевшая место в начале 1920-х гг. среди советских марксистов тенденция к признанию за феноменологией определенных концептуальных достоинств. Одновременно авторитетные советские марксисты Л.И. Аксельрод, В.И. Невский, В.А. Юринец высказали ряд комплиментарных оценок непосредственно в адрес Шпета и его трудов. Со своей стороны, Шпет вполне лояльно относился к советской власти и, несмотря на свое польское происхождение и «западническую» духовную ориентацию, осознавал себя человеком русской культуры, был твердо настроен при любых обстоятельствах жить и работать в России.

Шпет принадлежал к той части русской интеллигенции, которая жила идеалами свободы – духовной, творческой, социальной, и встретила Октябрьскую революцию с энтузиазмом и верой в начало исторического бытия новой, лучшей России. Оставаясь принципиально беспартийным, после Октября Шпет активно включается в научную, культурную и общественную работу: становится профессором МГУ (до революции университетская кафедра была для него закрыта по причине политической «неблагонадежности»), членом Комитета по реформе средней и высшей школы, членом Художественного совета МХАТ, действительным членом и затем вице-президентом Государственной академии художественных наук (ГАХН), возглавляет Институт научной философии. Одновременно Шпет демонстрирует высокую творческую активность, выпускает одну за другой свои философские и историко-философские книги: «Философское мировоззрение Герцена» (Пг., 1922), «Очерк развития русской философии» (Ч. 1, Пг., 1922), «Эстетические фрагменты» (Ч. 1–3, Пг., 1922–1923), «Введение в этническую психологию» (Вып. 1. М., 1927), «Внутренняя форма слова» (М., 1927); не успели дойти до читателя при жизни автора создававшиеся в те же годы вторая часть «Очерка развития русской философии», «Герменевтика и ее проблемы», «Язык и смысл».

Возглавленный Шпетом институт стал неординарным явлением в масштабе не только русской, но и общеевропейской культуры, в истории которой институционализация философии традиционно была связана главным образом с деятельностью университетов, а не специализированных научно-исследовательских центров. Впрочем, согласно замыслу первого директора, Институт научной философии с самого начала был призван интегрировать академическую науку и высшие ступени философского образования, отчасти восполняя лагуну в этой области, образовавшуюся после реорганизации историко-филологического факультета МГУ и упразднения отделения философии. Значительная часть усилий Шпета на посту директора была направлена именно на организацию учебного процесса, на подготовку квалифицированных научно-философских кадров. С этой задачей была неразрывно связана другая важнейшая сторона его деятельности во главе Института научной философии – активное привлечение к членству в институте лучших научно-преподавательских сил.

По образному сравнению Л.А.Когана, руководимый Шпетом институт стал своего рода Ноевым ковчегом, на борту которого после социального «потопа» революции и гражданской войны нашли пристанище российские философы разных поколений и теоретических ориентаций, явившие уникальный опыт научного сотрудничества и творческой консолидации, к сожалению, оказавшийся непродолжительным. При Шпете в Институте научной философии работали столь яркие представители всего спектра философской мысли того времени, как религиозные мыслители И.А.Ильин и С.Л.Франк, неокантианец Г.И.Челпанов, эмпириокритицист А.А.Богданов, «ортодоксальные» марксисты Л.И.Аксельрод и А.М.Деборин. Решались вопросы о привлечении к работе таких видных ученых и философов, как Н.А.Васильев, Б.П.Вышеславцев, С.И.Гессен, А.Ф.Лосев, Н.Н.Лузин, А.О.Маковельский, П.С.Попов. Увы, именно такая плюралистичность кадровой политики стала одной из причин недовольства Шпетом в верхах и его смещения с поста директора института, который вслед за этим вступил в совершенно иной этап своей непростой истории, во многом отражавшей историю страны в целом.

Однако было бы несправедливо полагать, что усилия Шпета пропали втуне. Ведь основные принципы, которые он стремился проводить – приоритет профессионализма, свобода научного творчества, сотрудничество представителей разных философских школ, интеграция науки и образования – фактически возрождены и последовательно реализуются в современной работе Института философии РАН.

В год юбилея Института философии мы обратились к Т.Г.Максимовой – дочери Г.Г.Шпета, который стоял у истоков этого уникального научного учреждения, с просьбой поделиться личными воспоминаниями о своем замечательном отце.

А.В.Черняев

А.В.Черняев: Татьяна Густавовна! Ваш отец Г.Г.Шпет – один из самых выдающихся философов России XX в. Философ выражает себя не только в своих книгах, но и в образе жизни, в повседневном общении: с этой точки зрения очень важно каждое свидетельство близких людей. Пожалуйста, расскажите о вашем отце, о вашей семье, о вашем доме.

Т.Г.Максимова: Я родилась до революции, в царское время. Тогда наша семья жила на Большой Царицынской улице, которая теперь называется Большая Пироговская. Когда произошла революция, многие наши родственники, особенно по маминой линии, покинули страну, в том числе и мамин отец, брат знаменитого политика А.И.Гучкова и московского городского головы Н.И.Гучкова. Уезжая, он купил квартиру своей семье, остававшейся в России, в трехэтажном каменном доме на Долгоруковской улице, куда мы переехали в 1917 г. Тот каменный дом существует до сих пор – № 17. Там была огромная квартира, занимавшая весь второй этаж. В глубине двора на-

ходился бабушкин двухэтажный деревянный флигель, и за ним – огромный сад с большой липовой аллеей, с фонтаном. Бабушкин флигель сгорел при пожаре в декабре 1919 г., и после этого бабушка переехала в нашу квартиру. А потом мы переехали в Брюсов переулок...

А.Ч.: Почему же вы уехали с Долгоруковской, если там была такая большая, удобная квартира?

Т.М.: Пришлось переезжать потому, что нас начали «уплотнять». В итоге получилась коммунальная квартира, и ничего хорошего в этом не было. А в Брюсовом переулке был кооператив, и у каждого члена кооператива своя отдельная квартира. В середине 1920-х гг. у папы была большая компания друзей, и у них появился замысел построить кооперативный дом. На одной из встреч кто-то обратился к присутствовавшему там же архитектору А.В.Щусеву: «Алеш, почему ты нам не построишь дом? Давайте построим дом, и мы все вместе будем там жить!» Тогда, в середине 1920-х, только начинали появляться первые кооперативные дома. Эта идея получила общую поддержку и другой член компании, артист МХАТа В.А.Подгорный, человек энергичный, занялся этим делом, сходил в какие-то учреждения, договорился с банком, и, в конце концов, действительно образовали кооператив и построили дом! Он стоит и сейчас в Брюсовом переулке. Сначала это был красивый дом серого цвета. Потом его перекрасили зачем-то розовой краской и надстроили еще этажи. А изначально с фасада у него было 4 этажа, а со стороны двора – 5 этажей. Крыша была плоская, выложенная плитами, окруженная каменной оградкой с металлическими перилами, и там мы все гуляли, играли, там росли дети, по вечерам собиралась молодежь. Поскольку среди жильцов было много мхатовцев, то потом этот дом стали называть домом актеров МХАТа. Там жили В.И.Качалов, И.М.Москвин, В.А.Подгорный, Л.М.Леонидов, квартира была у К.С.Станиславского.

А.Ч.: В Брюсовом переулке, по соседству, находится еще известный дом, где жил В.Э.Мейерхольд, также постройки 1920-х годов. Какой дом, ваш или тот, появился первым?

Т.М.: Да, В.Э.Мейерхольд, И.Н.Берсенев с С.В.Гиацинтовой, в общем, многие театральные люди также создали кооператив, и он строился почти одновременно с нашим. Мы въехали осенью 1927 г., а они примерно на полгода позже, весной. Тот дом назывался мейерхольдовским, а наш назывался мхатовским, и эти два дома так до сих пор там и существуют. Мы там жили уже исключительно своей семьей: папа, мама и мы с сестрой и братом. Мне было в это время 12 лет. Для папы это был последний московский адрес. Его арестовали там. А потом уже, когда подросла и вышла замуж моя дочь (известная балерина Екатерина Максимова. – *А.Ч.*), мы оттуда уехали.

А.Ч.: А какова была психологическая атмосфера в доме, в семье? Как сказывалось присутствие Густава Густавовича?

Т.М.: Папа много работал, в том числе и дома. Тем более, что к тому времени, когда мы переехали в Брюсов переулок, папу уже изгнали из университета. С 1923 г. он был вице-президентом Государственной академии художественных наук (ГАХН). В 1929 г. ГАХН ликвидировали. После этого папа занимался очень много переводами и перевел немало серьезных книг. Кроме того, ему еще давали на редактирование переводы, сделанные другими людьми. В общем, папа в основном сидел в кабинете и занимался. В это время входить туда было нельзя, трогать что-то в кабинете без спроса тоже запрещалось, и шуметь было строго запрещено, чтобы не мешать папе работать.

А.Ч.: Участвовал ли Г.Г.Шпет в вашем воспитании?

Т.М.: В воспитании малышей папа не очень-то разбирался. Маленьких детей он сторонился и начал строить с нами какие-то отношения, когда мы уже стали взрослеть и что-то понимать, задавать вопросы, требующие вдумчивых ответов. Вот тут папа был незаменим. Но до тех пор, пока этого не проявлялось, пока вопросов не возникало, особого общения и не было...

А.Ч.: И с какого возраста вы начали содержательно общаться с отцом?

Т.М.: Когда появились вопросы: а что такое это, а почему то?.. Когда мы начали читать книжки. У папы была грандиозная библиотека, располагавшаяся в его просторном кабинете в Брюсовом переулке. А когда мы жили на Долгоруковской, папин кабинет был не таким большим, и библиотека находилась в отдельной комнате. Поэтому я была очень удивлена, узнав однажды, что существуют еще какие-то общественные библиотеки, и люди в них записываются, чтобы брать книги: «что это за библиотеки, зачем это нужно, если все книги, по всем необходимым вопросам, есть дома?» С папой мы стали больше общаться, когда я подросла, когда пошли вопросы и разговоры уже посерьезнее. Или когда, например, читала книжку и чего-то не могла понять. Тогда я приходила к папе и спрашивала, что это значит. А он обычно подходил к шкафу и вынимал какую-то другую книжку со словами: «На вот, прочитай еще это, и потом мы с тобой поговорим».

А.Ч.: А какие книги он вообще советовал читать, и что, наоборот, не поощрялось?

Т.М.: Не поощрялась легкомысленная и не имеющая художественной ценности литература. Например, была такая очень популярная в конце XIX – начале XX в. писательница Лидия Чарская, она писала книжки для детей. Чарскую читать нам категорически запрещалось, потому что это слащавая и глупая литература примитивного уровня. Приветствовались классики. В доме были все классики и постоянно читались. Однако чтение регулировалось. Допустим, если я приходила в 10 лет и говорила, что хочу почитать Ф.М.Достоевского, папа говорил, что читать Достоевского мне еще рано и советовал что-то другое. Но по каждому вопросу, который ему задавался, который меня интересовал, ответ всегда был исчерпывающим и всегда через чтение и обдумывание книг. А в детстве читали сказки, обычные народные сказки. Серьезные книги раньше времени нам читать не давали. И поэтому тяга к ним была большая, как к «запретному плоду» – потихоньку мы читали и Достоевского, и Г.Мопассана...

А.Ч.: О чем вы разговаривали, что отец рассказывал вам? Как он относился к детским играм, развлечениям?

Т.М.: Обсуждали с ним наши увлечения, занятия. Папа объяснял, что есть занятия умные, а есть занятия глупые, есть полезные и бесполезные. Спортивные игры он считал пустой тратой времени, единственное, что любил – это шахматы, и сам был прекрасным шахматистом. Папа не признавал пользы в увлечении бессмысленным собирательством, коллекционированием. «Ради чего собирать коллекцию каких-то камушков, бабочек или еще чего-нибудь бестолкового?» А вот когда я, например, увлеклась вдруг собиранием марок, это ему понравилось: «Пожалуйста, будешь лучше знать географию». Марки он даже сам мне приносил в большом количестве, потому что в ГАХН приходило много писем из разных стран, часто с необычными, очень интересными марками. Так что коллекция у меня росла быстро, и я благодаря этому знала названия разных стран, где они находятся. С папиной точки зрения, это имело смысл и потому поощрялось для общего развития.

А.Ч.: А какие воспитательные меры применял Густав Густавович: поощрение, наказание, или же он был противником наказаний?

Т.М.: Нет, противником он не был, но нашим воспитанием в основном занималась мама, а он в это не особенно вникал. Но если вдруг он узнавал, что кто-то что-то сделал не так, как надо, то был хороший нагоняй. А это он умел сделать лишь несколькими словами так, что ничего больше и не требовалось, настолько было стыдно.

А.Ч.: Когда вы учились в школе, занимались литературой, математикой и т. п., кто из родителей больше помогал – папа, мама, или вам вообще не требовалась помощь?

Т.М.: Да, больше сама. До того, чтобы обращаться за помощью, особенно не доходило. В то время какие школьные предметы были? У нас ведь, когда я поступила в школу учиться, не было такого предмета, как история, представляете? Вместо нее было обществоведение.

А.Ч.: А сам интерес ваш к наукам Г.Г.Шпет пытался направлять в какую-то сторону?

Т.М.: Он старался не столько направить, сколько отвлечь от того, что считал ненужным. От всяких ерундовых, пустяковых интересов.

А.Ч.: Как известно, Густав Густавович был человеком чрезвычайно образованным, разносторонним, знал много иностранных языков...

Т.М.: В его библиотеке были книги на многих языках, и он со многих языков переводил. Вообще в последние годы, особенно с 1929-го по 1935-й (год ареста), он в основном и занимался переводами. Например, в его переводе в начале 1930-х гг. в издательстве Academia вышли «Записки Пиквикского клуба» Ч.Диккенса с обширными комментариями, составленными им же. Это даже больше, чем просто комментарии, это целое исследование по истории Англии. Другой пример – перевод Г.Гегеля. Это уже было в самые последние папины годы, тогда у нас начали переводить и издавать Гегеля. И тут оказалось, что «Феноменологию духа» никто не может перевести, потому что это очень сложная книга. И тогда обратились к папе. Он начал ее переводить незадолго перед арестом, а закончил уже в ссылке. И потом в многотомном издании Гегеля везде было указано: «перевод такого-то», а в «Феноменологии духа» просто «перевод с немецкого», потому что папа был репрессирован и его фамилию указать не могли.

А.Ч.: Даже на фоне высокого интеллектуального стандарта профессоров дореволюционной школы Шпет значительно выделялся. Кроме глубины знаний, он обладал очень широким диапазоном, мог преподавать любой гуманитарный предмет, от логики до истории. За счет чего это было достигнуто? Был ли он каким-то вундеркиндом, которому все давалось само собой, или «трудоголиком», или и то и другое вместе?

Т.М.: Даже не знаю. Думаю, что все вместе взятое. У него была хорошая память, у него был живой интерес. Самое главное, наверно, что он любил и умел мыслить, очень быстро схватывал суть. Во всяком случае, на моей памяти он уже специально ничем не занимался, он уже просто все знал. Опять же и его огромная библиотека всегда была под рукой.

А.Ч.: А как Шпет работал, какой вел образ жизни?

Т.М.: Он все время работал. Сидел в своем кабинете с переводами, с книгами. Папа много занимался до поздней ночи, поэтому вставал поздно, мы к тому времени обычно уже уходили. Пил кофе и отправлялся в свою академию. Но он никогда не позволял себе выйти к завтраку в халате, в небритом виде, даже если за столом были только свои. Я помню его всегда подтянутым,

чисто выбритым, в крахмальном воротничке. Этот белоснежный крахмальный воротничок был всегда, в любой сезон. Лето, жара – и все равно папа в белом воротничке, прямом и жестком. Очень удачно, что, когда мы переехали в Брюсов переулок, там рядом оказалась китайская прачечная, где прекрасно умели стирать и крахмалить эти воротнички, дома так не получалось. Ходить в китайскую прачечную было моей обязанностью, и благодаря этому я даже выучила некоторые китайские слова.

А.Ч.: Значит, Густав Густавович был педантичен не только в науке, но и в одежде?

Т.М.: Никто никогда не видел папу в халате, без пиджака, с расстегнутым воротом сорочки. Мы его могли встретить в таком виде только на маленьком пятачке между его комнатой и ванной. В 1920–1930-е гг. такая принципиальность уже давно не была обязательной, но только не для папы. Отсюда же, кстати, проистекали его претензии к маме, когда ему казалось, например, что она сделала себе чересчур открытое декольте. О том, чтобы летом ходить в простом сарафане, не могло быть даже и речи. Папа был неумолим: «Человек всегда должен выглядеть прилично».

А.Ч.: Выходит, он вел «кабинетный» образ жизни, был своего рода «человеком в футляре»?

Т.М.: Нет, папа вовсе не был ученым-отшельником, он был очень общительным человеком. У него было много друзей, они часто собирались и у нас, и сам он ходил в гости. Но это тоже было выборочно, далеко не со всеми людьми он сходил и разделял интересы. Многим очень хотелось стать его друзьями, но ему были интересны далеко не все. Он любил умных людей. Самое главное, что он не любил в людях, – это глупость. Для него это было просто как для быка красное. Если встречался глупый человек, папа уже через минуту-другую, как говорится, обязательно «сажал его в калошу». Поэтому его многие побаивались. И я даже не раз слышала такое выражение: самое страшное – это «попасть на язычок к Шпету»... По этому поводу вспоминается, что когда кто-то из знакомых дал кому-то пощечину – надо сказать, такое было довольно распространено тогда, и в интеллигентской среде, как ответ на оскорбление, – папа к этому отнесся весьма скептически: «Что ж, если человек не может отбрызнуть другого словом, то он пускает в ход руки». Сам папа действительно умел «разделить» кого угодно одними только словами. Очень спокойно, не повышая голоса, без всяких резких выражений: одна-две фразы, и с человеком все становится ясно.

А.Ч.: Можете вспомнить, как это бывало?

Т.М.: Могу рассказать такой случай. Как-то за мной начал ухаживать один мальчик, и я против этого особенно ничего не имела, так что он даже дома у нас стал бывать. Однажды он оказался у нас, когда мы сидели ужинать, и его пригласили за стол с нашей семьей. Во время ужина был обычный разговор за столом. Но на следующий день, когда я проснулась, то вдруг поняла, что теперь мне этот мальчик абсолютно не интересен и не нужен. Что он какое-то «пустое место». Просто папа задал ему несколько вопросов, и стало ясно, что он представляет из себя на самом деле. И действительно, потом я знала этого человека еще довольно долго, и смогла убедиться, что ничего стоящего в нем не было. А некоторые из моих приятелей даже специально готовились к встрече с моим папой и брали в библиотеке книги по философии.

А.Ч.: Как для Густава Густавовича соотносились работа и семья, и как в семье относились к его работе?

Т.М.: Относились к папиной работе с большим уважением, с большим почтением, которое внушала нам мама, на этом мы воспитывались. «Папа занимается, папа пишет» – в это время его беспокоить никому было нельзя, и мы в детской старались играть тихо, не шуметь. А сам папа очень серьезно относился не только к своей работе, но и к семье, и к дружбе.

А.Ч.: Кто из друзей отца вам особенно запомнился?

Т.М.: Самым близким его другом был поэт Юргис Балтрушайтис, который после отделения прибалтийских стран был у нас литовским послом. Видеться с ним из политических соображений папе было нельзя, поэтому встречались они в основном «на нейтральной территории» – в театре, на приеме, просто на улице. Но изредка Балтрушайтис все-таки приходил к нам – тихонько, чтобы об этом не было известно, и нам об этом запрещено было кому-то рассказывать. А родственники у нас вообще были «неблагонадежные», особенно по маминой линии: Гучковы, Рахманиновы. С.В.Рахманинов тогда был под запретом, его произведения нельзя было исполнять. Рахманинов был двоюродный брат моей бабушки. Его отец и моя прабабушка – родные брат и сестра. Обо всем этом говорить тоже было нельзя.

А.Ч.: А кто еще приходил к вам в гости и к кому вы ходили с родителями, когда достаточно подросли?

Т.М.: Чаще всего у нас дома бывали артисты. К папе еще приходили по разным делам люди ученые, ГАХНовские работники, но тех, кто приходил с такими деловыми визитами, мы не знали и почти не видели. Они сразу проходили к папе в кабинет, и потом так же уходили, а мы с ними и не общались. Кое с кем из ГАХН папа особенно дружил: Б.В.Шапошников, П.С.Коган, М.А.Петровский, А.Г.Габричевский, Н.Н.Лямин. Папа любил вместе со мной куда-нибудь сходить, взять меня с собой: например, в театр, в гости к В.Э.Мейерхольду, к К.С.Станиславскому, к А.Я.Таирову. Не обязательно на целый вечер, а просто так зайти, навестить, на пару часов. Причем он никогда не говорил сразу: «Пойдем со мной туда-то», но начинал издали: «Я вижу, что тебе очень хочется, чтобы я взял тебя с собой...».

А.Ч.: Вам действительно всегда хотелось?

Т.М.: Еще бы! А однажды папа пригласил меня поужинать в ресторане – просто так, без всякого специального повода. Это было время, когда мама с моей младшей сестрой еще уезжали летом на дачу, а я уже работала и оставалась летом в городе вдвоем с папой. Я безумно любила этот период времени... Тогда это было мое первое посещение ресторана.

А.Ч.: Булгаковский профессор Преображенский предпочитал обедать дома и непременно с графинчиком водки. А каковы были вкусы гуманитарной интеллигенции того времени, какие напитки предпочитал Густав Густавович?

Т.М.: Ну нет, в ежедневный распорядок выпивка не входила! Но если был достойный повод, выпить, конечно, мог. Разумеется, в умеренном количестве и только в компании. Скажем, пришли гости: на чей-то день рождения, большой праздник, Новый год, и тогда папа непременно выпивал две-три рюмки вместе со всеми. Мог выпить по случаю дружеского визита, чтобы поддержать общение, или отметить маленькое семейное событие, вроде моих отличных школьных оценок. И меня тоже немножко угощал. Но я ни разу в жизни не видела, чтобы папа был пьяный. Папа любил украинскую перцовку, и сам ее делал, настаивал водку на перце. Кроме водки, папа хорошо относился к коньяку, любил сухое белое вино рислинг. А когда собирались гости, то все стояло на столе: и красное вино, и белое, и водка.

А.Ч.: Г.Г.Шпет очень любил театральный мир. Чем был для него театр?

Т.М.: Трудно сказать... Театр он любил и прекрасно знал. Принимал участие в работе художественного совета МХАТ, близко общался со многими выдающимися режиссерами и актерами. Вообще, папа очень интересовался художественной жизнью, ходил на все новые спектакли, выставки. И я должна была ему обо всех своих впечатлениях от театра подробно рассказывать. Помню, был такой случай. Я ходила на новую постановку МХАТа – «Горячее сердце» по А.Н.Островскому, папа этой вещи еще не видел. А в том спектакле впервые играл Н.П.Хмелев, у него была роль дворника, два эпизода в первом и втором акте, ходил по сцене с метлой в руках. Потом я рассказывала папе, кто мне понравился, а кто не понравился в спектакле, и почему (это все надо было объяснять), и я сказала, что постановка мне понравилась, а из артистов особенно понравился Хмелев. После того, как папа и сам посмотрел «Горячее сердце», они обсуждали это с мамой, и папа говорит: «Наташ, а наша Таня-то кое в чем разбирается, что-то начинает понимать: определенно, очень хороший актер этот самый Хмелев».

А.Ч.: Какие художественные направления он поддерживал: классику, авангард?

Т.М.: Во всяком случае, не авангард. Ближе все-таки к классике. Если говорить о ведущих поэтах того времени, таких как С.А.Есенин и В.В.Маяковский, то ему был ближе Есенин, чем Маяковский. С Есениным, кстати, они были хорошо знакомы, и Есенин подарил папе свою книжку с дарственной надписью. С Маяковским папа тоже был лично знаком, но особенной дружбы никогда не было.

А.Ч.: А как Густав Густавович отдыхал, где проводила отдых ваша семья?

Т.М.: Папа абсолютно не умел отдыхать! Он сразу начинал скучать, и это была проблема всей нашей семьи. Нас, детей, каждый год вывозили на дачу, мы ездили в самые разные места, снимали дачу под Москвой, снимали и где-то подальше. Наше любимое место было Поленово, имение художника, которого мы обожали. Для меня сам В.Д.Поленов и его жена были «дедушка» и «бабушка», по-другому я их и не называла. Я их хорошо помню. Там отдыхали только знакомые люди, по приглашению. Мы приезжали и жили в том самом доме, где теперь находится музей Поленова. Когда «дедушка» уже умирал в 1920-е гг., я его часто навещала, мне было тогда 10–11 лет. Помню, что было запрещено приносить цветы с сильным запахом, ему это было нельзя. Я каждый день приходила и приносила ему один свежий полевой цветочек. А папа ездить отдыхать с нами не соглашался, он только приезжал нас навещать на 1–2 дня, и если он оставался на 3, то это уже было чудо, такое бывало не больше чем один раз за все лето, и то не каждый год. И еще папа писал нам письма, к сожалению, они после его ареста пропали. Он писал нам совершенно изумительные письма, некоторые прямо как сказки. Юмористически переделывал имена знакомых, например, имя друга нашей семьи, ученого секретаря ГАХН Бориса Валентиновича Шапошникова писал на китайский манер: «Бо-Ва-Шап». Одно из писем ко мне начиналось фразой: «Дорогая Танечка! А я думаю оп тебе». Дело в том, что я тогда еще училась писать, и в предыдущем письме написала папе «оп тебе». В другом письме папа пишет: «а у меня тоже живет мыша». И все письмо он с юмором обыгрывал эту «мышу», про которую я ему перед тем сама написала, в женском роде. В конце он написал, что просит при встрече передать от него привет моей «мыше». Каждую смешную мелочь он сразу подмечал и умел обыграть.

А.Ч.: Значит, с чувством юмора все было в порядке?

Т.М.: Чувство юмора у него было исключительное, высмеивать он умел всех и вся. Особенно глупость. А с умными людьми все было наоборот. Вот такой пример. Мы как раз были на даче, приехал и папа, и все вместе пошли погулять. Не знаю, как он вообще согласился «погулять» – «идти просто так по дороге без дела?» – такого он совершенно не переносил, как пустую трату времени. Ну, тем не менее, мы идем, и нам встретилась простая баба деревенская, в платочке и с коромыслом на плечах, которая ходила за водой. Уже не помню, как получилось, но мы на что-то отвлеклись, а потом смотрим, папы рядом нет, озираемся – а он стоит и разговаривает о чем-то с той бабой. Вернулся к нам весь сияющий, и восклицает: «Приятно поговорить с умным человеком!» Для него ум – это была совсем не только образованность, а что-то большее, более глубокое.

А.Ч.: Известно, что Балтрушайтис, будучи послом Литвы в Москве, предлагал Г.Г.Шпету эмигрировать, подобно многим другим деятелям науки и культуры. Почему Шпет отказался и решил остаться? Мог ли он предвидеть, что его ждет в России?

Т.М.: Еще и А.В.Луначарский его уговаривал уехать из страны, когда выслали в 1922 г. ученых. Я не думаю, что папа мог предвидеть, что его ждет... Да, отец сам был польского происхождения, но, во всяком случае, он себя ощущал человеком русским, человеком русской культуры, и Россию покидать не хотел. Отношение к своей стране у него было патриотическое. Уехать он мог много раз, но не сделал этого, решил остаться здесь. Хотя и поплатился в итоге.

А.Ч.: В свое время Шпет был исключен из Киевского университета за политику, за социал-демократическую деятельность. Каким было его отношение к власти – царской, временного правительства, советской?

Т.М.: Эти темы относились к разряду «при детях не говорить». Тем более, что я тогда была еще совсем маленькой. Но насколько я понимаю, от политики он старался быть подальше.

А.Ч.: Г.Г.Шпет был не просто ученым, но и активным деятелем культуры, организатором науки. Он стоял у истоков целого ряда таких выдающихся начинаний, как учреждение Института научной философии, Психологического института, ГАХН, Союза писателей. Очевидно, в этой деятельности ваш отец тоже видел какую-то свою важную жизненную миссию?

Т.М.: Мне трудно судить, но всем этим он занимался, конечно, не ради денег. Зарабатывал он тогда уже в основном переводами.

А.Ч.: В переписке Г.Г.Шпета встречаются цитаты из Библии. Был ли он религиозным человеком? Как он относился к тем или иным конфессиям, а также к религиозной политике советской власти?

Т.М.: Нет, религиозным он никогда не был. Сам папа на моей памяти в церковь никогда не ходил, икон у него не было. Ни он, ни мама в религиозном отношении нас не воспитывали. Нас всех крестили, но никакие обряды, посты и праздники не соблюдались, я такого не помню. Когда мы жили еще на Долгоруковской, несколько раз меня водила в церковь бабушка и заставляла учить молитвы. Церковь там была рядом, через два дома от нас. Вот идем мы как-то с бабушкой в церковь, а я говорю: «Бабушка, давай пойдем в другую, в этой я уже все картинки на потолке рассмотрела».

А.Ч.: Конечно, вам нелегко об этом вспоминать – вы помните день ареста Вашего отца?

Т.М.: Явились, как всегда, ночью, примерно во втором часу. Всех разбудили, начали копаться в квартире, копались везде и всюду. Папина колоссальная библиотека их очень смутила, потому что все книги проверить было невозможно. Какие-то книги они снимали, какие-то листали, что-то делали у папы в кабинете, что там происходило – я не знаю, мы туда в это время не входили. А потом они пошли по квартире. Пришли ко мне в комнату, начали рыться, а у меня был небольшой письменный столик, там лежали мои личные бумаги, письма с объяснениями в любви и дневник. Я вела дневник и записывала туда почти все. Эти НКВДшники нашли дневник, стали его читать и смеяться над моими девичьими вздохами и переживаниями. Я была в совершенном ужасе... Потом они ушли и папу увели. А я после этого порвала дневник, порвала все письма.

А.Ч.: Когда вы видели Густава Густавовича в последний раз?

Т.М.: Сначала он какое-то время сидел на Лубянке. Несколько раз звонил следователь, задавал маме разные вопросы. Потом надо было отнести туда какие-то справки, бумажки, послали меня. Ощущение ужасное. Я помню, как поднималась по лестнице здания на Лубянской площади, входила в кабинет следователя. Кстати, это был молодой, приличный и любезный человек, как ни странно. Потом через некоторое время нам позвонили и сообщили, что папа приговорен к ссылке и что он будет отправлен такого-то числа с такого-то вокзала. Нам разрешили прийти его проводить. Конечно, вся семья поехала провожать папу, в том числе дочери от первого брака, Нора и Маргарита. А на соседней платформе стоял и наблюдал за нами тот самый следователь из НКВД. Это и был последний раз, когда я видела папу. В ссылке первое время он прожил в Енисейске, потом ему выхлопотали перевод в Томск – более крупный, университетский город. Мама туда ездила к нему, другие дети ездили тоже. Я, к сожалению, не смогла поехать, потому что не было возможности, просто элементарно не хватало денег на билет.

А.Ч.: После ареста отца ваша семья оказалась в трудном материальном положении?

Т.М.: Жизнь была непростая. Я тогда работала в Румянцевском музее, получала очень мало, мама пошла преподавать французский язык, подрабатывала еще машинописью. Когда-то она освоила печатную машинку вовсе не для заработка, а специально, чтобы готовить рукописи папиных книг, которые все без исключения она перепечатывала, потому что другие люди с трудом разбирались в папином почерке. Кто мог тогда представить, что эти навыки понадобятся совсем для другого...

А.Ч.: Многие семьи репрессированных деятелей науки и культуры сталкивались не только с материальными трудностями, но и с изменой бывших друзей...

Т.М.: К счастью, это не про нас. У папы было много настоящих друзей и учеников, в том числе люди, показавшие бесконечную преданность не только ему, но и всей нашей семье. Это, прежде всего, Н.Н.Волков, А.А.Губер, Н.И.Жинкин, Б.В.Шапошников. Они работали с ним в ГАХНе, причем не только с папой были в тесных отношениях, но фактически вошли в нашу семью, стали друзьями нашего дома. Жена Шапошникова Наталья Казимировна была лучшей маминной подругой. Когда я выросла, я тоже с ними очень сдружилась, особенно с Волковым и Губером. И даже после папиного ареста они продолжали с нами дружить и поддерживали с нами отношения всю свою жизнь. К сожалению, из-за этого не очень-то гладко сложилась и их судьба. Философией им заниматься не дали, был какой-то негласный за-

прет. Все они остались без работы и вынуждены были искать, чем заняться. Каждый стал заниматься тем, чем было возможно. Жинкин переключился на занятия психологией, Волков также занимался психологией и писал картины, Губер ушел в искусствоведение.

А.Ч.: Не показывает ли это, что в сознании Г.Г.Шпета и его учеников философия, наука, искусство – вещи глубоко взаимосвязанные?

Т.М.: Конечно.

А.Ч.: Большое вам спасибо, Татьяна Густавовна, за ваш интереснейший рассказ!

*Март 2009 г.
г. Москва*